

УДК 343.26:343.9
ББК 67.409.022.1:67.511

П.В. Тепляшин,
кандидат юридических наук, доцент,
Сибирский юридический институт ФСКН России

КРИЗИС «ИДЕАЛА РЕАБИЛИТАЦИИ» И ВОЗРАСТАНИЕ РОЛИ КОНЦЕПЦИИ «КОНТРОЛЯ»: ВЛИЯНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ НА ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАКТИКУ ЕГО ИСПОЛНЕНИЯ

В статье анализируются изменения в уголовно-правовой и пенологической политике европейских стран. Автор рассматривает европейскую пенологическую политику в контексте кризиса «идеала реабилитации» и концепции «контроля». Исследуется влияние европейской пенологической политики на отечественное уголовное и уголовно-исполнительное законодательство и практику его исполнения.

Ключевые слова: наказание; осужденный; специальное предупреждение; контроль; уголовно-исполнительное законодательство; реабилитация; ограничение свободы; административный надзор; постпенитенциарное воздействие.

P.V. Teplyashin,
Ph.D. in Law, Ass. Professor,
Siberian Law Institute of Federal Drug Control Service of Russia

CRISIS OF THE «REHABILITATION IDEAL» AND THE INCREASING ROLE OF THE «CONTROL» CONCEPT: IMPACT OF EUROPEAN PENOLOGICAL POLICY ON RUSSIAN LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

The paper analyses the changes in the criminal law and penological policy of European countries. The author considers the European penological policy within the context of the crisis of the «rehabilitation ideal» and the concept of «control». He also studies the influence of European penological policy on Russian criminal prosecution legislation and the practice of its enforcement.

Key words: punishment; convict; special prevention; control; criminal prosecution legislation; rehabilitation; limitation of liberty; administrative supervision; post-penitentiary influence.

Современные условия функционирования российской модели исполнения уголовных наказаний и проведение широкомасштабной реформы отечественной уголовно-исполнительной системы демонстрируют признание и положительную оценку зарубежных концепций борьбы с преступностью, указывают на необходимость с особым вниманием отнестись к опыту их становления и развития. Так, первостепенной целью Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации № 1772-р от 14 октября 2010 года (далее – Концепция развития УИС РФ), выступает повышение эффективности работы учреждений и органов, исполняющих наказания, до уровня европейских стандартов обращения с

осужденными и потребностей общественно-го развития [2].

Обращение к европейской пенологической теории и практике показывает, что с начала 1980-х годов в тюремной политике происходит постепенный отход от «идеала реабилитации» и возрастание практической роли концепции «контроля», в соответствии с которой в центре внимания оказывается так называемое ситуационное предупреждение преступности, охватывающееся более емкой категорией «культурой контроля» [12, с. 5-8, 123, 289-295].

В свою очередь, сопоставив идеи некарательного воздействия на преступника и общего предупреждения, Иоганнес Андрес, пришел к выводу о фактической нецелесообразности и бесполезности реализации первой в отношении многих категорий пре-

ступников (коррупционных, совершающих экономические преступления и т. п.). В этом случае, по его мнению, «основной целью вмешательства общества является формирование уважения к социальным нормам, а не исцеление индивидов от их асоциальных наклонностей» [1, с. 83]. Вместе с тем целью такого «вмешательства» все так же остается исправление преступника, но в юридическом смысле, когда осужденному фактически делается попытка внушить невыгодность для него преступать определенные социальные запреты. Безусловно, что, скорее всего, такое воздействие не сформирует нравственной потребности соблюдения социальных норм, но есть попытка выработать сдерживающий их в определенной мере механизм технического соблюдения. Однако для уголовной юстиции второй половины XX столетия оказалось очевидным, что многие преступники не поддаются ни нравственному, ни юридическому исправлению. Хотя, несомненно, что идеи и практика специального предупреждения в рассматриваемый период набирали свои обороты. Вследствие этого в пенитенциарном континиуме появилась новая задача, направленная не на «исцеление индивидов с их асоциальными наклонностями», а на «формирование уважения к социальным нормам». Поэтому система профилактики с конца 70-х годов XX столетия стала строиться, в том числе, и на изменении субстанции наказуемого элемента – действительно некоторой деформации правовой формы и сущности уголовно-правовых мер, их постепенной заменой формирующейся системой мер безопасности.

Так, Марк Ансель, выдвигая концепцию «новой социальной защиты», отводит важную роль двигателя идей «индивидуального предупреждения» и «исправительного воздействия» самому преступнику. Ресоциализация лица, усиление судебного усмотрения в выборе санкций и даже признание системы неопределенных приговоров отражают основные постулаты концепции Марка Анселя [2]. Однако данная концепция, как и усредненная позиция Нильса Кристи (между теорией «некарательного воздействия» и концепций «удерживающего воздействия» [6, с. 20-139]), не в полной мере «вскрывает» соотношение между индивидуальной профилактикой и механизмом исправи-

тельного воздействия [7, с. 52]. В этой связи справедливо замечание А.В. Наумова о том, что «идея «ресоциализации» может превратиться в сильный инструмент уголовной политики и находит все большую поддержку в деятельности правоохранительных органов многих стран, в том числе и в России» [8, с. 58].

Тенденции уголовно-правовой регламентации и соответствующая практика исполнения отечественных уголовных наказаний, безусловно, также подвержены естественно-му влиянию рассматриваемых закономерностей в европейской уголовной политике, в «корневой» основе которых лежит процесс интеграции правовых систем. Именно феномен правовой интеграции «подстегнул» очередной виток сближения «классической» и «социологической» школ уголовного права, возрастание роли концепции «контроля» в практике исполнения уголовных наказаний. Следовательно, задачи гармонизации уголовного и уголовно-исполнительного законодательства России с процессами цивилизационного развития стратегий воздействия на преступность состоят в построении отечественной модели обращения с преступниками, которая бы отражала достижения и опыт европейских стран в этой сфере, исключая возможность «наступить на одни и те же грабли дважды».

В частности, законодательная регламентация новой модели ограничения свободы отражает уже более не «реабилитационный идеал» наказания, направленный в первую очередь на исправление осужденного, а концепцию «контроля». Предполагавшиеся создать с принятием УК РФ 1996 года исправительные центры как раз и были нацелены на применение к осужденному комплекса средств исправления, включающих не только режим, но и общественно полезный труд, получение профессиональной подготовки, проведение воспитательной работы. В настоящее время ограничения, возлагаемые на осужденных к ограничению свободы, в своей основе отражают акцент уголовного наказания на установлении контроля за поведением осужденного, а не на применении комплекса средств исправления. Как справедливо отмечают А. Разогреева и М. Миньков рассматриваемое уголовное наказание «по механизму своего воздействия – наказа-

ние с явно выраженным предупредительным потенциалом. Если частное предупреждение – основная цель при назначении наказания, то ограничение свободы – его оптимальный вид, применение которого способно обеспечить достижение этой цели (особенно при использовании аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля)» [10, с. 51].

Как представляется, концепция «контроля» достаточно объективно выразилась в современной реформе уголовно-исполнительной системы. Так, в соответствии с Концепцией развития УИС РФ современное реформирование уголовно-исполнительной системы предполагает закрепление новых форм надзора за поведением осужденных с использованием электронного мониторинга спутниковой навигации ГЛОНАСС или ГЛОНАСС/GPS, изменение видов исправительных учреждений для содержания осужденных в местах лишения свободы с фактическим прекращением их коллективного содержания, постоянного пребывания осужденных в состоянии стресса, обусловленного необходимостью лавирования между требованиями администрации и основной массы осужденных. Полагаем, что постепенное влияние европейских пенологических традиций приведет к полной ликвидации исправительных колоний как вида исправительных учреждений и переходу от «колонийско-отрядной» к «тюремно-покамерной» модели исполнения лишения свободы. Таким образом, ориентирование на европейский опыт размещения осужденных покамерно снизит отрицательное взаимовлияние осужденных и приведет к полному уничтожению неформальной субкультуры среди осужденных.

Однако решение о размещении значительной части лиц, осужденных к лишению свободы, в тюрьмах, причем по четыре в камере, вызывает сомнение в своей резонности. Во-первых, проблема состоит в организации профессионального обучения, общественно полезного труда, культурно-массовых мероприятий и психолого-воспитательной работы с осужденными при такой модели их размещения. При этом, если в западноевропейских тюрьмах широко практикуется принцип творческого труда, формирующий позитивные свойства личности (например, выращи-

вание цветов, художественная лепка, дизайн мебели и т. п.), то в отечественных тюрьмах используется и, вероятно, будет использоваться, как правило, монотонный и зачастую неквалифицированный труд. Во-вторых, покамерное размещение осужденных не обеспечивает полного исключения отрицательного влияния осужденных друг на друга при совместном приеме пищи или досуге, работе в цехах или массовых мероприятиях, а лишь снизит эффект позитивного влияния на осужденного со стороны коллектива, упразднит идею совета отряда (имеется в виду совет коллектива отряда и иные самостоятельные организации осужденных исправительного учреждения) как вполне приемлемый воспитательный орган и приведет к попранию такого принципа уголовно-исполнительного законодательства, как демократизм, т. е. рассмотрение осужденного не только как объекта исправительного воздействия, но и как его субъекта.

Вызывает критику внедрение принципа сепарации осужденных. В рамках проводимой реформы уголовно-исполнительной системы России предполагается соблюдать данный принцип не только путем классификации осужденных при назначении вида исправительного учреждения, но и в процессе исполнения наказания путем расширения видов режима отбывания наказания. Между тем, изучение европейского пенитенциарного опыта показывает, что в основу отечественной классификации осужденных положены более разнообразные криминологические критерии, нежели чем в законодательстве зарубежных стран. Так, если в России в рамках одной социально-демографической группы осужденных с целью недопущения отрицательного влияния друг на друга используются три критерия: рецидив, факт прежнего реального отбывания наказания и категория совершенного им преступления, то, например, в Англии только один критерий – риск побега осужденного. Существующая же в некоторых регионах России практика совместного проживания осужденных, «вставших» на путь исправления, и лиц, не поддающихся нравственному реформированию, имеет место в тех исправительных учреждениях, где такую задачу невозможно или достаточно сложно решить технически, т. е. отсутствует достаточное количество площадей.

Необходимо постулировать усиление концепции «контроля» не только в сфере исполнения уголовных наказаний, но и в области постпенитенциарного воздействия. Так, В.И. Горобцов под мерами постпенитенциарного воздействия рассматривал уголовно-правовое принуждение, выступающее разновидностью фактически сложившейся в отечественном законодательстве системы мер безопасности [4, с. 7, 10-11], перспективная модель которых, как нам кажется, отражает отход пенитенциарной практики от «идеала реабилитации» к концепции «контроля».

Как результат, с 1 июля 2011 года вступил в силу Федеральный закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [9]. Как видим, «реанимация» института административного надзора отражает не только очевидное усиление концепции «контроля» в правовой системе России, но и является вполне необходимой и своевременной мерой. Однако законодательная регламентация данного института имеет ряд недостатков, не позволяющих закреплять прочную функциональную связь между поведением осужденного в исправительном учреждении и объемом ограничительных притязаний государства после его освобождения, как следствие – снижается предупредительный эффект административного надзора.

Так, согласно ст. 3 ФЗ РФ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» административный надзор устанавливается судом в отношении совершеннолетнего лица, освобождаемого или освобожденного из мест лишения свободы и имеющего непогашенную либо неснятую судимость, за совершение: 1) тяжкого или особо тяжкого преступления; 2) преступления при рецидиве преступлений; 3) умышленного преступления в отношении несовершеннолетнего. Необходимо отметить, что первых два основания отражают сущность административного надзора, поскольку именно «общественная опасность личности, сохраняющаяся у некоторой части лиц, освобожденных от отбывания наказания в виде лишения свободы и выражающаяся в угрозе совершения ими новых преступлений» выступает основанием установления административного надзора [3, с. 102]. Третье

основание отражает особенности определенного вида преступности и показывает особые социальные потребности его профилактики. В связи с этим можно предположить, что в будущем основания установления административного надзора будут распространяться и на ряд иных преступлений, вызывающих особую тревогу в обществе и нуждающихся в первоочередной профилактике (например, преступления экстремистского характера).

Вызывает критику слабая степень корреляции между поведением осужденного в исправительном учреждении и содержанием административных ограничений, устанавливаемых при административном надзоре. Единственным уголовно-исполнительным фактором, влияющим на установление административного надзора, выступает признание лица в период отбывания наказания в местах лишения свободы злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания. Следует полагать, что такой подход законодателя не будет способствовать индивидуализации постпенитенциарных ограничений, которые должны не только иметь общий для всех лиц, подвергаемых административному надзору, характер, но и выступать логическим продолжением процесса правового воздействия на лиц, совершивших преступление. Критика административного надзора, применяемого однотипно ко всем поднадзорным, имела место и в 80-х годах, когда попытки повысить эффективность данной меры не увенчались успехом. Как представляется, подобные проблемы реализации административного надзора будут иметь место и в настоящее время.

С учетом основных позиций современной реформы уголовно-исполнительной системы требуется расширить перечень уголовно-исполнительных оснований установления административного надзора. В частности, с учетом планируемого разделения исправительных учреждений на два основных вида – тюрьмы и колонии-поселения – следует более дифференцированно подойти к административным ограничениям, устанавливаемым в отношении лиц, освобожденных из соответствующих мест лишения свободы. При этом, видится достаточно обоснованным обязательное установление административного надзора в отношении лиц, освобожденных из тюрем (как особого,

так и усиленного и общего режимов), поскольку в этот вид исправительного учреждения предположительно будут направляться лица, осужденные за тяжкие и особо тяжкие преступления либо при рецидиве преступлений. Вместе с тем административный надзор не следует устанавливать в отношении лиц, переведенных из тюрьмы в колонию-поселение в порядке поощрения позитивного поведения осужденных, вставших на путь исправления. Кроме того, является целесообразным установление тех или иных ограничений при административном надзоре пропорционально поведению осужденного в местах лишения свободы и с учетом того, с каких условий отбывания наказания освобожден осужденный (строгих, обычных или облегченных), что должно приводить к соответствующему дозированию ограничений, налагаемых на поднадзорного.

На наш взгляд, в отечественной практике реализации концепции «контроля» можно говорить о некоторых случаях ее гипертрофированного проявления. В частности, административный надзор может быть установлен не только после отбывания осужденным лишения свободы, но и после отбывания срока ограничения свободы как дополнительного наказания, которое может быть назначено на срок от шести месяцев до двух лет. Так, ч. 3 ст. 47¹ УИК РФ предписывает сначала осужденного, которому ограничение свободы назначено в качестве дополнительного наказания, освободить из исправительного учреждения после отбывания лишения свободы, назначенного в качестве основного наказания, а лишь затем направлять к месту жительства для дальнейшего отбывания ограничения свободы.

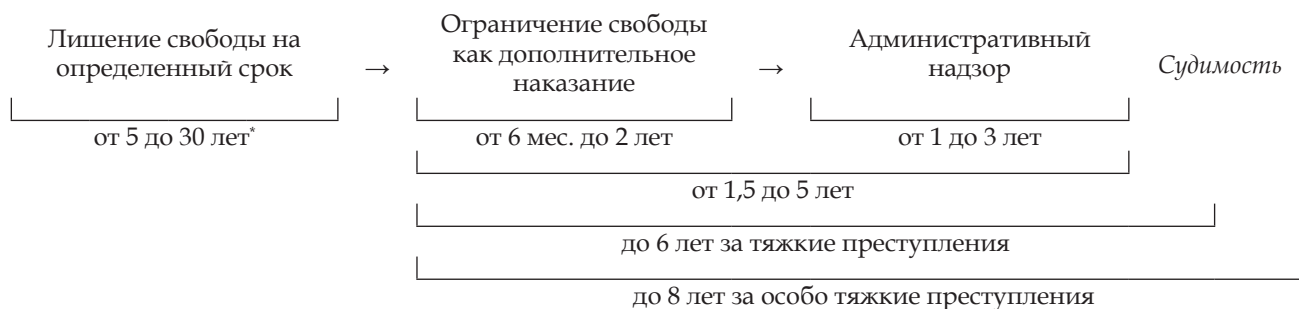
При этом, исходя из содержания ч. 1 ст. 53 УК РФ и ч. 1 ст. 4 ФЗ РФ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», перечень ограничений назначенного в качестве дополнительного наказания ограничения свободы по многим позициям сопоставим с административными ограничениями, устанавливаемыми при административном надзоре. Более того, основным карательным элементом режимов ограничения свободы и административного надзора выступает запрет на пребывание вне жилого или иного помещения в определенное время суток.

При этом обращение к практике исполнения административного надзора в советский период показывает, что в абсолютном большинстве к уголовной ответственности по ст. 198² УК РСФСР «Злостное нарушение правил административного надзора» привлекались лица, нарушавшие именно такое ограничение («запрещение ухода из дома (квартиры) в определенное время»).

Значит, при последовательном применении ограничения свободы и административного надзора происходит пролонгация фактических и юридических ограничений только под другим наименованием и со сменой контролирующих субъектов. Причем продолжительность административного надзора превышает продолжительность ограничения свободы как дополнительного наказания, поскольку может быть установлена от одного года до трех лет либо ограничена сроками погашения судимости. Кроме того, административный надзор может быть продлен судом до 6 месяцев в связи с совершением поднадзорным лицом в течение одного года двух и более административных правонарушений против порядка управления и (или) административных правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность и (или) на здоровье населения и общественную нравственность.

Различие между данными ограничениями только формальное, но не содержательное. Таким образом, законодатель дает возможность реализации дискретной схемы пенитенциарного и постпенитенциарного правового воздействия на лиц, совершивших преступление (рис.).

Следовательно, фактическое постпенитенциарное воздействие может достигать пяти лет, а в случаях продления административного надзора доходить до пяти с половиной лет. При этом в случаях приостановления административного надзора сроки так называемой криминологической давности могут выходить далеко за пределы стандартного постпенитенциарного воздействия, ограниченного в основном сроками погашения судимости. Ведь, по существу, административный надзор устанавливается в целях предупреждения рецидива преступлений посредством индивидуальной профилактики. Разделяем мнение Н.В. Щедрина о том, что



* При назначении наказания за тяжкое и особо тяжкое преступление и с учетом возможности назначения наказания по совокупности приговоров.

Рис. Пенитенциарное и постпенитенциарное стандартное правовое воздействие на лиц, совершивших преступление

период времени, в течение которого тот или иной поступок может быть юридическим основанием применения мер индивидуальной профилактики, и следует считать сроком криминологической давности [11, с. 110].

Думается, что последовательное применение ограничения свободы (причем назначенного как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания), а затем административного надзора, не только «размывает» границы между уголовно-правовыми и административно-правовыми мерами, но и либо создаст объективные трудности в социальной адаптации лица (например, значительно затруднит поиск работы, трудоустройство, включая работу вахтовым методом или в ночное время суток), либо автоматически превратит его в злостного нарушителя порядка отбывания ограничения свободы или нахождения под админис-

тративным надзором (например, в случае отсутствия места жительства последнего) с последующим осуждением по ч. 1 ст. 314 УК РФ или ст. 314¹ УК РФ соответственно. На этом основании представляется излишним установление административного надзора в отношении лиц, которым назначено наказание в виде ограничения свободы.

Таким образом, европейская пенологическая тенденция отхода от «идеала реабилитации» и возрастание практической роли концепции «контроля» охватила отечественное правовое пространство, что выражается в «тюремном векторе» реформирования уголовно-исполнительной системы, постепенном снижении исправительной составляющей в мерах уголовно-правового характера, включая уголовные наказания, а также в усилении надзорных постпенитенциарных механизмов.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анденес И. Наказание и предупреждение преступлений. — М., 1979. — 264 с.
2. Ансель М. Новая социальная защита (гуманистическое движение в уголовной политике). — М., 1970. — 268 с.
3. Бондаренко А.С. Основания установления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Правовые вопросы борьбы с преступностью: сборник / под. ред. В.Д. Филимонова. — Томск, 1988.
4. Горобцов В.И. Проблемы реализации мер постпенитенциарного воздействия: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1995. — 30 с.
5. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации № 1772-р от 14 октября 2010 года // СЗ РФ. — 2010. — № 43, ст. 5544.
6. Кристи Н. Пределы наказания. — М., 1985. — 176 с.
7. Кристи Н. Причиняя боль. Роль наказания в уголовной политике. — СПб., 2011. — 164 с.
8. Наумов А.В. Сближение правовых систем как итог развития уголовного права XX в. и его перспектива в XXI в. // Государство и право. — 1998. — № 6. — С. 50-58.
9. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы : федер. закон Российской Федерации от 6 апреля 2011 года № 64-ФЗ // СЗ РФ. 2011. — № 15, ст. 2037.

10. Разогреева А., Миньков М. Условное осуждение и ограничение свободы: контроль и (или) ресоциализация // Уголовное право. — 2010. — № 4. — С. 47-51.
11. Щедрин Н.В. Основания применения индивидуально-профилактических мер к освобожденным из ВТК // Правовые вопросы борьбы с преступностью : сборник / под ред. В.Д. Филимонова. — Томск, 1988.
12. Garland D. Punishment and Modern Society. A Study in Social Theory (reprint). — Oxford : Clarendon Press, 1990. — 312 p.

REFERENCES

1. Andenes I. *Nakazanie i preduprezhdenie prestupleniy* [Punishment and Crime Prevention]. Moscow, 1979, 264 p.
2. Ansel' M. *Novaya sotsial'naya zashchita (gumanisticheskoe dvizhenie v уголовной политике)* [New Social Protection (Humanistic Movement in Criminal Policy)]. Moscow, 1970, 268 p.
3. Bondarenko A.S. *Pravovye voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Legal Issues of Fighting Crimes]. Tomsk, 1988.
4. Gorobtsov V.I. *Problemy realizatsii mer postpenitentsiarnogo vozdeystviya: voprosy teorii i praktiki (avtoref. kand. dis.)* [Problems of Implementing the Measures of Post-Penitentiary Influence: Issues of Theory and Practice (Cand. Dis. Thesis)]. Yekaterinburg, 1995, 30 p.
5. *Sobranie zakonodatel'stva* [Collected Legislation]. 2010, no. 43, Art. 5544.
6. Kristi N. *Predely nakazaniya* [Limits of Punishment]. Moscow, 1985, 176 p.
7. Kristi N. *Prichinyaya bol'. Rol' nakazaniya v уголовной политике* [Inflicting Pain. Role of Punishment in Criminal Policy]. Saint Petersburg, 2011, 164 p.
8. Naumov A.V. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. 1998, no. 6, pp. 50-58.
9. *Sobranie zakonodatel'stva* [Collected Legislation]. 2011, no. 15, Art. 2037.
10. Razogreeva A., Min'kov M. *Uголовное право* [Criminal Law]. 2010, no. 4, pp. 47-51.
11. Shshedrin N.V. *Pravovye voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Legal Issues of Fighting Crimes]. Tomsk, 1988.
12. Garland D. Punishment and Modern Society. A Study in Social Theory (reprint). Oxford : Clarendon Press, 1990, 312 p.

Информация об авторе

Тепляшин Павел Владимирович (Красноярск) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии. Сибирский юридический институт ФСКН России (660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20, e-mail: pavlushat@mail.ru)

Information about the author

Teplyashin, Pavel Vladimirovich (Krasnoyarsk) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Criminal Law and Criminology. Siberian Law Institute of Federal Drug Control Service of Russia (Rokossovsky st., 20, Krasnoyarsk, 660131, e-mail: pavlushat@mail.ru)